

Обнажённая рука Сяо Хуана блестела от пота, когда он нес лопату, чтобы убрать накопившийся навоз в конюшне, который не был убран в течение очень долгого времени. На спине у него выступили струйки пота, одна из которых исчезла, скатившись по поясу брюк.

Е Хуан потянула меня за руку: «Ваша милость, этого слуги более чем достаточно, чтобы присматривать за ним. Вы должны пойти и отдохнуть!»

С тех пор как я храбро отклонила предложение императора кастрировать нашего нового слугу, Его Величество больше никогда не поднимал этот вопрос. Просто на второй день группа евнухов, сжимая в руках указ, едва не сломала нашу дверь.

Содержание указа было таким же, как и бумага, которую Фэнь Чжао Вэнь показывал мне ранее. Только на этот раз она была написана на желтом шелке и украшена императорской нефритовой печатью.

Император уже начал беспокоиться.

Кроме меня, которая скорее умрет, чем сдастся, и обиженного Сяо Хуана, все остальные были рады.

Дядя Тонг вздохнул со слезами на глазах: «Старый мастер всегда беспокоился об этом. Он думал, что ты не сможешь выйти замуж. Даже если твой будущий муж далек от того, что старый мастер хотел для тебя, по крайней мере, ты все еще могла жениться. Теперь, когда я умру, у меня хватит наглости встретиться лицом к лицу со старым мастером.»

Е Хуан не согласилась с тем, что сказал дядя Тонг: «Дядя Тонг, каждый дворянин в столице убил бы, чтобы иметь возможность сделать своих дочерей императрицей. Тебе не кажется, что ты ведешь себя слишком неуважительно?»

Четверо горничных позади нее посмотрели на дядю Тонга с враждебностью — впервые с тех пор, как они встретились.

Поздравив нас, евнух, ответственный за чтение указа, сразу же уступил нам дорогу. Большая свита позади него являла собой захватывающее дух зрелище. Они несли сокровища и дары, которые были даны нам дворцом. Наш двор был забит всевозможными вещами: от нефритовых заколок для волос в форме Феникса до великолепных буйаос и красных агатов с востока.

Я очень долго заикливалась на всех подносах, содержащих эти сокровища. Безмолвно смотрела на двор и спокойно махала им, чтобы они ушли.

Столкнувшись с такими драгоценными подарками, я честно почувствовала это... в конце концов, умирать из-за капитуляции было вовсе не обязательно.

Сяо Хуан был потрясен тем, как быстро я передумала. Он неоднократно спрашивал меня: «Ты уверена, что он не принуждал тебя или не угрожал?»

После того, как Фэнь Чжао Вэнь ушел вчера, он задавал мне тот же вопрос около 20 раз.

Сяо Хуан, должно быть, скучал и бездельничал.

Пока Е Хуан и четверо цзедзи (горничные) управлялись с подарками, я повела его по нашему дому, показывая, что нужно сделать: от грязной конюшни до туалета на заднем дворе.

Е Хуан не могла понять, почему я была так счастлива, когда приказывала Сяо Хуану. Она следовала за мной по пятам, крича: «Ваша Светлость! Ваша Светлость!» У меня голова болит от того, как она все время мне причитала, поэтому я отправила её куда подальше.

Сяо Хуан справился за четыре часа с конюшней и за два часа — с туалетом. Его тошнило во время выполнения второго задания. В конце концов, он присел на корточки перед большой ёмкостью с водой на заднем дворе, делая большие глотки воды. Когда он закончил пить, поднял голову и был встречен взглядом множества дров. Он побледнел.

В конце концов он лег на землю, отказываясь вставать, несмотря ни на что. Он заскулил, бормоча себе под нос, прежде чем обвиняюще указать на меня: «Ты мстишь, основываясь на своих личных эгоистичных причинах!»

«Честно говоря, я ждала этого с того самого момента, как узнала, что ты просто прикидываешься глупым. Теперь, когда ты объявился прямо перед моим порогом... боги меня любят!»

К несчастью, его глаза больше не были затуманены после того, как он похудел. «Ты жалеешь, что сбежала со мной тогда, не так ли?» Его голос звучал неискренне, когда он говорил. Его тон был резок и нес в себе следы обиды.

Я подбежала и пнул его по ногам: «Хватит прикидываться мертвым. Иди и займись своими делами.»

Он встал и поднял топор, чтобы расколоть дрова пополам. Он бросил расколотое бревно на землю, прежде чем повернуться ко мне с красными глазами, рыча: «Ты никогда не запугивал меня тогда, когда я был глуп. Жизнь так бессмысленна, что я с таким же успехом мог бы стать дураком! По крайней мере, все было просто и понятно.»

Он действительно плакал, сидя на земле.

Я осторожно присела перед ним на корточки. Видя, как из его глаз катятся капли слез, мое сердце смягчилось: «Ты уже взрослый человек, но все еще плачешь и скулишь, когда тебя

заставляют работать. Ты не будешь смущен, если это будет распространено? Я только вспоминала те трудности, с которыми мы столкнулись за эти три года. Вот почему я заставила тебя сделать все это, чтобы ты мог учиться.»

Он выглядел точно таким же идиотом, каким был тогда, когда плакал. Его внешность не имела значения, но мое сердце все равно смягчилось.

Он положил топор на мою руку, вытирая слезы: «Почему бы тебе не поработать, а я посмотрю? Мы будем учиться вместе!»

Хотя мое сердце смягчилось, моя первоначальная цель не могла быть забыта. Я вернула ему топор, прежде чем похлопать его по плечу: «Сегодня вечером мы приготовим тебе еще куриных ножек.»

«После того, как мы расстались, я больше не ем куриные ножки». Неожиданно заявил он.»

Это был первый раз, когда он заговорил о том, что случилось с ним после того, как мы расстались. Но меня все это не интересовало. Когда мы познакомились, он был круглолицым идиотом. Я делала за него домашнюю работу, меня наказывали за это, мы спали на одной кровати и делились друг с другом едой. Мы держали друг друга за руки, когда росли вместе. Я была его спутником, но он все равно сопровождал меня. Мы вместе соткали прекрасную мечту во дворце Великого Чэня.

В тот момент, когда мы очнулись от этого сна, империя погибла, а члены нашей семьи умерли. Земля была охвачена войной. Когда я держала его за руку, когда мы бежали с войны, рассматривая его как своего брата, моего любимого человека.

Тогда я думала только об одном: я была единственной, кто мог защитить этого невинного ребенка.

Я знала, что отец хотел, чтобы у меня была мирная жизнь. Я тоже этого хотела. Но я также хотела, чтобы старый идиот вспоминал прошлое вместе со мной, когда я стану старой.

Я слышала, что когда Фэнь Чжао Вэнь захватил империю, ни один из императоров, даже те, кто правил десятилетиями, не сумел сохранить свои головы нетронутыми.

В течение последних 100 лет мир пребывал в хаосе. Военачальники соперничали друг с другом, и бандиты были повсюду. Простые люди были перемещены и часто вынуждены были уезжать. Люди с такими устремлениями, как дядя Ян, ожидали появления мудрого правителя, который мог бы положить конец войнам и объединить все королевства. С другой стороны, такие верные люди, как отец, изо всех сил старались защитить Великого Чэня. Несмотря на то, что он знал, что будущее было мрачным, и он уже не был молодым, он стоял на вершине власти, очень хорошо зная, что у него не было никакого контроля над своей собственной жизнью.

Он был просто еще одной марионеткой в руках вдовствующей императрицы. Что же касается восставших дворян, то они тоже были беспомощны. А что еще они могли сделать, когда против них был избран суд?

Я погладила его по голове; тысячи эмоций всплыли в моем сердце, когда я пообещала ему: «Пока ты усердно работаешь, я попрошу приготовить все, что ты захочешь, будь то утиные или гусиные ножки!»

Он пробормотал в ответ: «Я не настолько жаден...» Когда он увидел слабую улыбку на моем лице, он покраснел.

Когда я посещала императорский дворец Великого Чэня в прошлом, он всегда делал все возможное, чтобы позаботиться о моей еде. Он даже делился со мной своей любимыми вкусностями. Естественно, я должна относиться к нему так же хорошо. Поскольку я дала ему обещание, то, естественно, должна его выполнить. Я сделала крюк на кухню и проинструктировала, чтобы приготовили много еды сегодня.

Когда я вернулась, Сяо Хуан все еще сидел перед двумя штабелями дров. Я любезно посоветовала ребенку: «Трудолюбие — это своего рода добродетель. Эх, тебе совершенно не хватало этого!»

Как только он вытер слезы и убедился, что я выполнила свое обещание, он послушно вернулся к заготовке дров.

Я радостно развернулась и пошла искать дядю Тонга. Я была полностью удовлетворена прогрессом моего обучения. Чтобы добиться успеха, нужно сначала пройти через испытания и невзгоды. Все это было для его же блага!

Когда я нашла дядю Тонга, он сидел, но когда он увидел меня, он встал и оказал мне уважение. «Этот простолюдин приветствует императрицу!»

Я в испуге вскочила, глядя на него, как на привидение. Когда я была уверена, что он не был одержим, я воскликнула: «Е Хуан продолжает делать все эти поклоны и реверансы мне, а теперь даже ты! Почему ты издеваешься надо мной? Если ты сделаешь это снова, я покину этот дом!»

Он быстро уговорил меня: «Я просто тренировался, чтобы не ошибиться, когда придет время.»

Я потянула его за рукав. «Дата еще даже не назначена. Ты уже устал от меня?»

Он сурово посмотрел на меня: «Да, ты права. Я уже устал от тебя. Я давно собирался выдать тебя замуж. Дочери других людей выходили замуж в 15 или 16 лет, а как насчет тебя? Тебе уже исполнился 21 год. Только Его Величество хочет жениться на тебе.» Уголки его губ были

изогнуты, а борода дрожала. Было ясно, что он доволен.

Теперь, когда я подумала об этом, Его Величество действительно был не так уж плох!

Но если он узнает, что я укрывала свергнутого императора Великого Чэня... От одной мысли об этом меня бросает в дрожь. Как только я закончу обучать Сяо Хуана, я должна отправить его как можно скорее.

Я прошептала дяде Тонгу: «У отца была военная печать?»

Дядя Тонг замер, глядя с любопытством: «Разве ты ее не похоронила?»

«Похоронили ее?» Я даже не знала, как выглядит эта печать.

«Только не говори мне, что Сяо Лан не знает, как выглядит печать... в ночь перед похоронами старого Мастера я дал тебе шкатулку, в которой лежал нефрит...»

Эта странная штука была военной печатью?

Я колотила по его кровати, смеясь, пока у меня не заболел живот. В уголках глаз застыли слезы.

Он похлопал меня по плечу. «Сяо Лан...»

Когда я подняла голову, чтобы посмотреть на него, я поняла, что он смотрит на меня с лицом, полным страха.

«Дядя Тонг, ты хочешь увидеть еще одну войну?» Мягко спросила я, обняв его за плечи. «Я не знаю, о чем ты думаешь.»

Он похлопал меня по лбу: «Ты что, дурак, Сяо Лан? Кто в здравом уме будет любить войны? Все, что я хочу, это видеть, как ты живешь хорошо со своими детьми. Мирно старея.»

Чем больше я думала об этом, тем счастливее становилась. Я пообещала ему: «Я сделаю это! Так и будет!»

<http://tl.rulate.ru/book/28150/597445>